

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Елена ГОРЕЛИК

БОРТОВОЙ

Москва

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Г68

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 141

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Горелик, Елена

Г68 Бортовой: роман / Елена Горелик. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-107310-7

Новейший научно-исследовательский корабль. Экипаж, состоящий из учёных и лучших спецов космфлота. Дальние рубежи, новые планеты, месторождения редчайших минералов, удивительные явления и масштабные катастрофы... Что тут необычного для двадцать третьего века-то?

Да хотя бы то, что корабль уникален: его ремонтируют не столько техники и программисты, сколько психологи. А ещё у него есть семья, друзья, приличная зарплата капитана дальней косморазведки и идентификация полноправного гражданина Земли. Человек-звездолёт, единственный в Содружестве, волей несчастного случая ставший цифровым ангелом-хранителем своего корабля и экипажа.

Но даже звездолёту не стоит забывать, что у человека могут внезапно завестись враги. Он уникален, и в этом корень его проблем.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107310-7

© Елена Горелик, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Скорее жив, чем мёртв

- ...Вы испытываете дискомфорт?
- Дискомфорт... Слишком мягко сказано.
- Это верно, ваш случай уникален. Поймите, мы не ради праздного любопытства изводим вас расспросами. Нам важно знать, что происходит, чтобы понять, как вам помочь.
- То есть вы не видите никакого решения проблемы.
- Вы уникальны, но в том-то всё дело. Никогда ещё человек не оказывался в таком положении...
- Вы психолог?
- Да.
- А я пилот. Если вы действительно хотите мне помочь, посоветуйтесь с моими коллегами...

— Уважаемые пассажиры, с вами говорит командир корабля, первый пилот Михаил Кошкин. Приветствую вас на борту «Меркурия». Пожалуйста, займите свои места и подтвердите идентификацию. Отправление звездолёта от орбитальной станции через тридцать минут.

Дежурный рейс, обыкновенный пассажирский лайнер на восемьсот посадочных мест. Накатанный маршрут, известный до последнего возмущения

магнитных и гравитационных полей. Рутина. Тем не менее школьная задачка «попасть из пункта А в пункт Б» дополняется ответственностью за восемь сотен душ, которые ради того, чтобы вовремя попасть в этот самый пункт Б, доверили тебе свои жизни. Сколько ни стараешься об этом не думать, не получается.

В пилоты гражданских космических линий набирают именно таких. Умеющих брать на себя ответственность. Другие, хоть бы они по всем прочим параметрам были пилотами от бога, попросту не пройдут отбор.

«Меркурий» — это «упитанная» четырёхсотметровая сигара с тремя маршевыми двигателями на толстых перемышках, соединявших их с корпусом. Собственно пассажирские салоны занимают в ней не так уж много места. Основной объём приходится на технические отсеки и помещения экипажа: в последнее время на Космофлоте стало модно отказываться от роботов и набирать живых стюардесс. Салоны оформлены в стиле стратосферных самолётов, даже имитацию иллюминаторов с трансляцией забортной картинки в стены вставили. Психологи уверяют, что это создаёт для пассажиров более комфортную обстановку, помогающую легче переносить межпространственные перемещения. Словом, на «Меркурии» сделано всё, чтобы пассажиры чувствовали себя как дома. Зато чем больше экипаж, тем больше головной боли у командира. Шесть салонов, из них два повышенной комфортности, где обожали путешествовать зашуженные люди... и не люди. На каждый салон

четыре стюардессы. Команды техников, слава богу, новые веяния не коснулись, как были семь человек и автоматика, так и остались. Ещё четверо врачей в медотсеке и три пилота, один из которых по совместительству навигатор.

Если восьмой год работать на одной линии и утрясать разнообразные проблемы у тридцати семи человек и себя любимого, понадобятся даже не стальные нервы — вольфрамовые. Чтобы от накала не плавилась.

— Граждане провожающие, просьба покинуть стыковочный узел. Через десять минут закрытие шлюзов. Граждане провожающие...

Посадочные люки ещё открыты. Приятный, но очень уж громкий голосок станционного искусственного интеллекта слышен не только в салонах, но и в рубке. Сейчас включают и синхронизируют станционные и корабельные детекторы жизни, будут сканировать узел. Говорят, их усовершенствовали. Хорошо бы. А то в прошлом году технари уже после герметизации корабля отловили в узле деток-конфеток, решивших отправиться в космос искать приключения без разрешения родителей. Они наверняка погибли бы при разгерметизации узла, если бы их вовремя не обнаружили. Каким чудом удалось тогда обойтись без вселенского скандала, известно только Всевышнему и начальнику смены. Детишек благополучно сдали на руки службе безопасности, чтобы те в свою очередь передали их родителям, а «Меркурий» после знатной нервотрёпки всему экипажу наконец-то стартовал.

Рейс Земля—Чулан считается рутинной, несмотря на то что мы, люди, вошли в Содружество сравнительно недавно. Сорока лет ещё не прошло. Ребёнком был, а помню всемирный референдум. Родители тогда взяли меня на участок. Не припоминаю, чтобы когда-нибудь впоследствии голосование так было похоже на праздник. Все радовались, как дети: контакт с иным разумом, нас признали равными... Что верно, то верно. Забыли только, что понятие «равные» в случае Содружества планет относится не только к правам, но и к обязанностям. Некоторые до сих пор не привыкли к этому... Ну, а втихомолку подтрунивать над названиями иных планет и рас мы и по сей день не перестали. «Чулан» — это не тёмная каморка, забитая ненужным хламом, а планета, название которой с местного на русский переводится как «мать». Уютный, экологически чистый мир, обитатели которого, вопреки земным скептикам, успешно сочетали техно- и биоцивилизацию. Чуланцы летали на Землю приобщиться к нашей культуре, аналогов которой у них почему-то не было — какие-то древние религиозные запреты аукнулись, что ли. А наши в полной мере оценили качество тамошних экокурортов. Вот и мотается «Меркурий», один из четырнадцати лайнеров, туда-сюда: чётные дни Земля—Чулан, нечётные — обратный рейс.

Сегодня двадцать второе декабря. Летим «туда».

Мы все давно привыкли к тому, что последние пассажиры подтверждают регистрацию за пару минут до закрытия и герметизации переходных камер. Очередной косяк, на который за годы перестаёшь

нервно реагировать. Вот и сейчас в списке пассажиров не стало красных строк за две минуты одиннадцать секунд до окончания отсчёта. Это когда уже почти три минуты мигают оранжевые световые сигналы в коридорах и в уши вворачивается крайне неприятный зудящий звук. Ладно — чуланцы. Нет у них такого понятия, как пунктуальность. В чуланской традиции почему-то вполне нормально считать, что без последнего пассажира корабль никуда не улетит. Наверное, потому в пилоты их никто не набирает. Но за хомо сапиенсов обидно, до того расхлябанные экземпляры попадают. Сколько таких на моей памяти, растрёпанных и тяжело дышащих табачным перегаром, влетали в шлюз буквально в последнюю секунду? И не упомянуть.

Ну, слава богу, старт штатный, без происшествий.

Поехали.

Компенсаторы компенсаторами, а во время перехода мутит даже опытных пилотов. Что ни говори, а формы жизни, сформировавшиеся на планетах земного типа, не приспособлены к космическим скоростям. Здесь нужна реакция, как у квантового компьютера. Точнее, как у кластера квантовых ядер. Я не слишком силён в электронике, половина которой построена на инопланетных технологиях, но вроде как современные сети используют для связи эффект... Чёрт его знает, как он там называется — когда частица одновременно присутствует в разных точках пространства.

И вроде бы этот самый эффект имеет отношение к тому, что сейчас собирается сделать «Меркурий».

Прыжок, переход, коридор, червоточина... Каждый пилот сам решает, как ему покороче назвать «межпространственный квантово-временной туннель», создаваемый лайнером или станцией. Масса объекта влияет на дальность и стабильность пробиваемого туннеля, потому к межпланетным кораблям предъявляются очень строгие требования по части минимальной и максимальной загрузки. Причём если на дальность масса корабля влияет положительно, то на стабильность — как раз наоборот. Потому никто и не слышал о кораблях-монстрах размером с Луну. Пассажирский лайнер считается оптимумом, грузовик — максимумом, после которого масс-эффект начинает опасно «раскачивать» туннель.

И — да — фантастические фильмы врут. Стенки «коридора» не светятся и не похожи на поверхность водяной воронки, стекающей в гигантскую раковину. Невооружённым глазом туннель не увидишь. Вот навигационные приборы видят, и пилоту даже не нужно вмешиваться в процесс управления кораблём. Всё делает кластер и сложная программа. Наш пилотский выход будет после того, как «Меркурий» окажется в заданной точке пространства. А в туннеле лучше не устраивать самодеятельность без нужды. Здесь почти не действуют законы обычного евклидова пространства, слишком велика неопределённость. В переводе на бытовой язык сие означает «хрен его знает, что сейчас будет». Параметры туннеля меняются хаотично, автоматика,

скорее всего, успеет отреагировать, а пилот — вряд ли. Скорости ведь космические.

— Граждане пассажиры, наш корабль готовится к межпространственному переходу. Пристегните, пожалуйста, ремни безопасности и проверьте наличие у вашего кресла маски с дыхательной смесью, соответствующей вашей видовой принадлежности.

Голос Танечки — искусственного интеллекта нашего корабля — действовал успокаивающе на пассажиров любой, как она выражалась, видовой принадлежности. Ходят упорные слухи, что над этим эффектом работает целый исследовательский институт. Всё может быть. Танечке год назад удалось за пару минут утихомирить впавшую в дикую истерику пассажирку, получившую сообщение от мужа, что жизнь не удалась и он уходит к её лучшей подруге. Прежний «мозг» корабля — Паша — был не так убедителен, и паника во втором салоне, возникшая из-за небольшого задымления, запомнилась нам надолго. Пассажиров можно было понять: любая неисправность на космическом корабле, летящем на бог знает каком удалении от обитаемых планет, может обернуться крайне неприятной смертью. И хорошо, если мгновенной, а не растянутой во времени — ровно до того момента, как на борту закончатся еда и кислород. Словом, Танечка со своими обязанностями справлялась на отлично. А я при звуке её голоса вспоминал дом. Инну и Серёжика. Наглого полосатого котяру Пирата. Гараж, в котором стоял собранный ещё на первом курсе двухместный гравипланер жутковатого вида.

Тот самый, на котором мы с Инной после свадьбы летали вокруг гималайских восьмитысячников, а за нами безуспешно гонялись четыре патрульных катера — нельзя тут, мол, без разрешения... Меня тогда чуть не списали на грузовик. Спасло лишь восхищение начальника горноспасательной службы моей манерой пилотирования, да тот факт, что именно мы с Инной поймали сигнал из лагеря альпинистов, просивших помощи. Собственно, патруль и наехал на нас после того, как мы вышли на связь и передали координаты незадачливых покорителей горных вершин. Кажется, я стал первым воздушным хулиганом, кого они не сумели поймать в воздухе, и, кажется, по сей день оставался последним.

Миг перехода почувствовался сразу: желудок внезапно оказался где-то там, где по идее должны были быть лёгкие.

— Доклад о состоянии корабля, — поборов привычную, чтоб её, тошноту, совершенно нормальную для любого живого организма, попавшего за пределы евклидова пространства, я затребовал отчёта у команды.

- Двигатели — штатно...
- Энергосистема — штатно...
- Жизнеобеспечение — штатно...
- В салонах всё в порядке...

Перед глазами мелькали таблицы параметров, транслируемые Танечкой через нейроинтерфейс прямо в зрительный отдел мозга. Действительно, всё в порядке. Только две или три позиции светились не зелёным, а чуточку желтоватым, да и те

не относились к жизненно важным системам или конструкциям. Нанотрещинки в одном из баков питьевой воды или холодильник на камбузе, не достигший до штатной температуры треть градуса, никак не отражаются на лётных характеристиках «Меркурия» и безопасности рейса. Трещины заделает бортовой бот-ремонтник, а разницу в три десятых градуса вряд ли кто-то вообще заметит, когда станет откупоривать баночку чего-нибудь холодненького.

Вот если бы позиции относились к жизненно важным параметрам или светились жёлтым, тогда мы не отошли бы от дока до полного устранения проблем. Для того и держат на станциях и кораблях бригады техников, и без работы они не сидят. Красный цвет и вовсе означал полный отказ системы и капитальный ремонт. На моей памяти пока такого не случалось, технари и своевременная профилактика делали своё дело.

— Через пятнадцать минут будем на месте, — в голове — в буквальном смысле промеж ушей — раздался голос пилота-навигатора. — Туннель вроде спокойный.

— Сплюнь, — хмыкнул я.

— Да ладно, Майки, давай без суеверий. В первый раз летим, что ли?

Самое смешное, что Том «в реале» говорит с акцентом, а нейротрансляция у него на чистейшем русском языке. Чище, чем у меня с моим южно-русским выговором. Я грешил было на наш искусственный интеллект, но ни Паша, ни Танечка к этому явлению свои лингвомодули точно не при-

кладывали, проверено. Какой-то странный выверт у самого Тома, не иначе.

— Сверх лоции.

— Сверил. Всё в порядке, отклонение от курса минимальное.

— Техотсек, что у вас?.. Техотсек, ответьте рубке.

— У третьего маневрового частоту малость «шатает», командир, две сотых процента туда-сюда. Во время стыковки возможна вибрация, — главтехнарь, мой старый друг Костя, как обычно отвечает не сразу. Неприятная черта, но техником он буквально родился, и за это его ценят, не обращая внимания на второстепенные мелочи. — Ничего страшного, на Чулане будет время, отладим.

— Почему принял движок с отклонением?

— Допустимое отклонение согласно инструкции — восемь сотых процента, командир.

— Ясно. В случае нештатной ситуации докладывай немедленно.

«...а не после того, как ты эту нештатную ситуацию устранишь», — этого я вслух не сказал, но все всё поняли правильно.

Итак, на борту всё... или почти всё в идеале. Туннель спокойный. Пассажиры перенесли переход нормально, оставив врачей — двух человек и двух чуланцев — без работы.

Всё в порядке.

Летим.

— Командир, принимаю сигнал бедствия.

— Пеленг?

— Пеленг затруднён, командир, мы внутри туннеля. Много помех. Но если мы его принимаем, значит, источник впереди по курсу.

— И мы близко к выходу. Жёлтый уровень. Готовность номер два.

— Принято.

Возникло крайне нехорошее чувство — ожидание беды. Где-то внутри поселяется комок холода, не дающий нормально дышать.

Приятный женский голос Танечки может ввести в заблуждение, тем более что её голографический образ — изящная блондинка. На самом деле это мощный квантовый кластер с искусственным интеллектом первого класса, в определённых обстоятельствах обладающий свободой воли. Но не инициативой. Право на нестандартные решения пока стабильно остаётся за разумными существами.

— Разворот на сто восемьдесят градусов.

— Есть разворот на сто восемьдесят градусов, — а это уже Радислав, наш второй пилот. — Компенсаторы включены.

Нужно повернуть корабль маршевым двигателем по курсу, станция всего в часе тормозящего полёта от точки выхода. Затем виток вокруг планеты, уравнивание скоростей, стыковка... Точно-точно? Сигнал бедствия, кстати, мы всё ещё принимаем. А впереди по курсу как раз станция и планета. Что там стряслось? Какой-то корабль с повреждённым двигателем? Сверхмощная вспышка на звезде Чулана? Авария на станции или катастрофа на планете? Насколько я успел изучить чуланцев,